

И. А. ИЛЬИН

Национал-социализм

1. НОВЫЙ ДУХ

Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую переключку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту переключку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим *духовное трезвение*, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить; и говорить *правду*.

Но к этой правде надо еще расчистить путь... Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в *критерий добра и зла*, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. Да и странно было бы, если бы немецкие евреи ждали от нас этого. Ведь коммунисты лишили нас не некоторых, *а всех и всяческих прав* в России, страна была завоевана, порабощена и разграблена; полтора миллиона коренного русского населения вынуждено было эмигрировать; а сколько миллионов русских было расстреляно, заточено, уморено голодом... И за 15 лет это-

го ада не было в Германии более пробольшевистских газет, как газеты немецких евреев — «Берлине? Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг» и «Франкфуртер Цейтунг». Газеты других течений находили иногда слово правды о большевиках. Эти газеты — никогда. Зачем они это делали? Мы не спрашиваем. Это их дело. Редакторы этих газет не могли не отдавать себе отчета в том, какое значение имеет их образ действия и какие последствия он влечет за собою и для национальной России, и для национальной Германии... Но наша русская трагедия была им чужда; случившаяся же с ними драматическая неприятность не потрясает нас и не ослепляет. Германский национал-социализм решительно не исчерпывается ограничением немецких евреев в правах. И мы будем обсуждать это движение по существу — и с русской национальной, и с общечеловеческой (и духовной, и политической) точки зрения.

Во-вторых, я совершенно не считаю возможным расценивать новейшие события в Германии с той обывательско-ребячьей или, как показывают обстоятельства, улично-провокационной точки зрения, — «когда» именно и «куда» именно русские и германские враги коммунизма «начнут совместно маршировать». Не стоит обсуждать этот вздор. Пусть об этом болтают скороспелые политические младенцы; пусть за этими фразами укрываются люди темного назначения. Помешать им трудно; рекомендуется просто не слушать их соблазнительную болтовню. Их точка зрения — не может служить для нас мерилom.

Наконец, третье, и последнее. Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом «революция». Это есть движение *национальной страсти и политического кипения*, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния, реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей. Мы советуем не верить пропаганде, трубящей о здешних «зверствах», или, как ее называют, «зверской пропаганде». Есть такой закон человеческой природы: испугавшийся беглец всегда верит химерам своего воображения и не может не

рассказывать о чуть-чуть не настигших его «ужасных ужасах». Посмотрите, не живет ли Зеверинг¹, идейный и честный социал-демократический вождь, на свободе в своем Билефельде? Тронули ли национал-социалисты хоть одного видного русского еврея-эмигранта?

Итак, будем в суждениях своих — *справедливы*.

Те, кто жил вне Германии или наезжал сюда для обывательских дел и бесед, не понимают, из каких побуждений возникло национал-социалистическое движение. Весь мир не видел и не знал, сколь неуклонно и глубоко проникала в Германию большевистская отравка. Не видела и сама немецкая масса. Видели и знали это только три группы; Коминтерн, организовававший все это заражение; мы, русские зарубежники, осевшие в Германии; и вожди германского национал-социализма. Страна, зажата между Версальским договором², мировым хозяйственным кризисом и перенаселением, рационализировавшая свою промышленность и добывающаяся сбыта, пухла от безработицы и медленно сползала в большевизм. Массовый процесс шел сам по себе; интеллигенция большевизировалась сама по себе. Коминтерн на каждой конференции предписывал удвоить работу и торжественно подводил итоги*. Ни одна немецкая партия не находила в себе мужества повести борьбу с этим процессом; и когда летом 1932 г. обновившееся правительство заявило, что оно «берет борьбу с коммунизмом в свои руки», и никакой борьбы не повело и заявлением своим только ослабило или прямо убило частную противокommunistическую инициативу, — то процесс расползания страны пошел прямо ускоренным путем.

Реакция на большевизм должна была прийти. И она пришла. Если бы она не пришла и Германия соскользнула бы в обрыв, то *процесс общеевропейской большевизации пошел бы полным ходом*. Одна гражданская война в Германии (а без упорной, жестокой, бесконечно кровавой борьбы немцы не сдались бы коммунистам!) нашла бы себе немедленный отклик в Чехии, Австрии, Румынии, Испании и Франции. А если бы вся организаторская способность германца, вся его дисциплинированность, выносливость, преданность долгу и способность жертвовать собою оказались в руках у коммунистов, — что тогда?

* Те, которые интересуются этим процессом, найдут богатый и достаточно объективно освещенный материал по этому вопросу в книге Эрта и Швейкerta: *Dr. Erth und Schweikert. Entfesselung der Unterwelt. Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschland*. 2 Aufl. Berlin: Eckart-Verlag, 1933.

Я знаю, что иные враги немцев с невероятным легкомыслием говаривали даже: «Что же, тем лучше...» Как во время чумы: соседний дом заражен и вымирает; ну что же из этого? Нам-то что? Слепота и безумие доселе царят в Европе. Думают о сегодняшнем дне, ждут новостей, интригуют, развлекаются; от всего урагана видят только пыль и бездну принимают за простую яму.

Что сделал Гитлер? Он *остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе*. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глодать Европу изнутри. Но не по-прежнему. Не только потому, что многие притоны коммунизма в Германии разрушены; не только потому, что волна детонации уже идет по Европе; но главным образом потому, что сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию — европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет...

Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам — ни духовно, ни материально — и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который *диктаториально и творчески возьмется за «социальное» разрешение социального вопроса*.

До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты, что они не уважают права, что они не признают свободы, что они хотят вводить какой-то новый социализм, что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цейтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. Но постараемся же хоть сами понять правду.

Итак, в Германии произошел *законный переворот*³. Германцам удалось выйти из демократического тупика, не нарушая конституции. Это было (как уже указывалось в «Возрождении») *легальное самоупражнение демократически-парламент-*

ского строя. И в то же время это было *прекращением гражданской войны*, из года в год кипевшей на всех перекрестках. Демократы не смеют называть Гитлера «узурпатором»; это будет явная ложь. Сторонники правопорядка должны прежде всего отметить стремительное падение кривой политических убийств во всей стране. Сторонники буржуазно-хозяйственной прочности должны вдуматься в твердые курсы и оживленные сделки на бирже.

И при всем этом то, что происходит в Германии, есть землетрясение, или социальный переворот. Но это переворот не распада, а *концентрации*, не разрушения, а *переустройства*, не буйно-расхлестанный, а *властно-дисциплинированный и организованный*, не безмерный, а *дозированный*. И что более всего замечательно, — вызывающий *во всех слоях народа лояльное повиновение*. «Революционность» состоит здесь не только в ломающей новизне, но и в том, что новые порядки нередко спешно применяются в виде административных распоряжений и усмотрений, *до издания соответствующего закона*, отсюда эта характерная для всякой революции тревога и неуверенность людей не в пределах их правового «статуса» вообще, не даже просто в сегодняшнем дне. Однако эти административные распоряжения быстро покрываются законами, которые обычно дают *менее суровые, более жизненные и более справедливые формулы*. Это во-первых. Во-вторых, эти новые распоряжения и законы, изливающиеся потоком на страну, касаются только *публичных прав*, а не частных или имущественных. В них нет никакой экспроприирующей тенденции, если не считать опорожнения прав, приобретенных спекулянтами во время инфляции и возможного выкупа земель, принадлежащих иностранным подданным. О социализме же в обычном смысле этого слова — нет и речи.

То, что совершается, есть великое *социальное переслоение*, но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское (и лишь в эту меру — служебно заработанное). Ведущий слой обновляется последовательно и радикально. Отнюдь не весь целиком, однако в широких размерах. По признаку нового умонастроения; и в результате этого — нередко в сторону омоложения личного состава. Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму, удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно неприемлем «новый дух».

Этот «новый дух» имеет и отрицательные определения, и положительные. Он *непримирим* по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовой травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам. По отношению к еврейству этой непримиримости нет не только потому, что частное предпринимательство и торговля остаются для евреев открытыми, но и потому, что лица еврейской крови (принимают во внимание два деда и две бабки, из коих ни один не должен быть евреем), правомерно находившиеся на публичной службе 1 августа 1914 г., или участвовавшие с тех пор в военных операциях, потерявшие отца или сына в бою или вследствие ранения, или находящиеся на службе у религиозно-церковных организаций — не подлежат ограничению в правах публичной службы (указ от 8 мая с. г.). Психологически понятно, что такие ограниченные ограничения воспринимаются евреями очень болезненно: их оскорбляет самое введение презумпции не в их пользу — «ты неприемлем, пока не показал обратного»; и еще «важна не вера твоя, а кровь». Однако одна наличность этой презумпции заставляет признать, что немецкий *еврей, доказавший на деле свою лояльность и преданность германской родине*, — правовым ограничениям (ни в образовании, ни по службе) не подвергается*.

«Новый дух» национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: *патриотизм*, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство *чести*, готовность к *жертвенному служению* (фашистское «*sacrificiо*»), дисциплина, социальная справедливость и *внеклассовое, братски-всенародное единение*. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти *верующие*, именно верующие, лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: «Да

---

* В прусской адвокатуре, напр<имер>, это удаление получило такие размеры. К февралю 1933 г. имелось всего 11 814 адвокатов, из них 8299 «арийцев» и 3515 евреев. Из адвокатов-евреев 735 участвовали активно в войне, 1383 оказались адвокатами довоенного стажа. Все они сохранили свои права. Подверглись запрещению 923 еврея и 118 коммунистов и большевизанов (данные от 12 мая с. г.). Общее число всех евреев в Германии составляет 1 % ко всему населению.

есть ли на свете народ, который не захотел бы создать *у себя* движение такого подъема и такого духа?...»

Словом — этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения.

Каждое из этих трех движений имеет, несомненно, свои особые черты, черты отличия. Они объясняются и предшествующей историей каждой из трех стран, и характером народов, и размерами наличного большевистского разложения (1917 г. в России, 1922 г. в Италии, 1933 г. в Германии), и расово-национальным составом этих трех стран. Достаточно вспомнить, что белое движение возникло прямо из неудачной войны и коммунистического переворота, в величайшей разрухе и смуте, на гигантской территории, в порядке героической импровизации. Тогда как фашизм и национал-социализм имели 5 и 15 лет собирания сил и выработки программы; они имели возможность подготовиться и предупредить коммунистический переворот, они имели пред собою опыт борьбы с коммунизмом в других странах; их страны имеют и несравненно меньший размер и гораздо более ассимилировавшийся состав населения. А еврейский вопрос стоял и ставился в каждой стране по-своему.

Однако основное и существенное единит все три движения; общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредрежденчество в вопросе о политической форме. Что вызывает в душе священный гнев? чему предано сердце? к чему стремится воля? чего и как люди добиваются? — вот что существенно. Конечно, германец, итальянец и русский болеют каждый *о своей стране*, и каждый *по-своему*; но дух *одинаков* и в исторической перспективе *един*.

Возможно, что национал-социалисты, подобно фашистам, не разглядят этого духовного сродства и не придадут ему никакого значения, им может помешать в этом *многое*, и им будут мешать в этом *многие*. Но дело прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от Коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небольшевистских стран. Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он вы-

двигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят *перед всеми народами*.

Искать пути к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи — неумно и неблагородно.

И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах». Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньше?

Или, быть может, европейское общественное мнение чувствует себя призванным мешать всякой реальной борьбе с коммунизмом — и очистительной, и творческой — и ищет для этого только удобного предлога? Но тогда нам надо иметь это в виду...

